

Дмитрий Гайдук — Lurkmore

В эту статью нужно добавить как можно больше растафари.

Также сюда можно добавить интересные факты, картинки и прочие кошерные вещи.

Дмитрий Гайдук (укр. рас. *Дмитро́ Олекса́ндрович Га́йду́к*) — большой и **годный** писатель вариативного творчества из Полтавы. С 1998 в **Нерезиновой**, известен, прежде всего, литературной серией «**Растаманские** Сказки», вел колонку на наркопортале high.ru (впоследствии переименован в **behigh.org**). Некоторые из телег Гайдуга широко распространились по интернетам в начале 00-х и стали баянами: «Про войну», «Про Мышу».

Заслуги

Матерый человецище: переводчик «Энциклопедии суеверий», произведений Артура Мэйчена, автор «Энциклопедии Предсказаний», «Мистики XX века», соавтор «Энциклопедии мистических терминов». Книжки выходили в издательстве «Миф» Альберта Егазарова, в курилке которого Гайдук разминулся с **В. Пелевиным** великое множество раз.

Соавтор перевода книжки **ТИНКАЛ** «Триптамины, которые я узнал и полюбил» Александра Шульгина.

Намацал для издательства «Ультра-Культура» Ильи **Кормильцева** «Энциклопедию конопли» (2004), так и не вышедшую на бумаге, ибо издательство зассало. По мнению самого Гайдуга, книжка нуждается в апгрейде.

Продолжительное время совершал путешествие по Индии, исследуя местные **вещества**, а также народный индийский фольклор, который, в итоге, пополнил сборник «**Сказки народов мира**».

По сказкам Гайдуга нарисованы **годные мультфильмы**.

Путешествует по странам СНГ, рассказывая свои сказки на квартирниках и в транспати-чиллаутах. Несет людям мир, свет, **любовь** и прочую **хуйню**.

15 ноября 2019-го года в московском клубе Вермель состоится первый Гайдук-Фест - новый проект Дмитрия, посвященный творчеству Гайдуга, а также жанру сказительства как искусства: <https://zucchi2.timepad.ru/event/1056853/>

Творчество

Про мышу

А вот история из жизни старого растамана. Просыпается, короче, старый растаман у себя на хате и думает две мысли. Первая мысль: о, ништяк. Ну, это чисто абстрактная мысль, это он по сезону всегда так думает, как проснётся: о, ништяк. Потому что ништяк в натуре.

Тело как перышко, крыша как друшляк, внутри желудка пустота. А вот вторая мысль, он думает: а неплохо бы вот подняться и что-нибудь из ништяков вчерашних заточить неплохо бы. Потому что там ништяков нормально осталось, типа банка тушонки, булка хлеба, картошки пол-казана, короче ни фига себе ништяков осталось. И вот он встаёт и идёт их заточить.

А ништяков, короче, нету. Пустой казан стоит, и всё. Даже хлеба не осталось. Нету вообще ничего, короче. И вот растаман громко думает: а кто это мои ништяки всё захавал? А из-под шкафа отзывается стрёмный загробный голос: ЭТО Я НИШТЯКИ ТВОИ ЗАХАВАЛ!!! Растаман даже удивился: то есть как это "я ништяки твои захавал"? Это же не может такого быть, вообще, чтобы я ништяки твои захавал. И вообще ты, знаешь, не высаживай, потому что за твои ништяки вообще базара нету. Откуда, вообще, на моей хате твои ништяки? Гонишь ты, короче, ой, гонишь... А голос ему говорит: Дебил! Повторяю ещё раз: Я ништяки ТВОИ захавал! А растаман ему говорит: а кто ты вообще такой, что на моём же флэту на меня дебилом называешь. А ну, если ты такой крутой, вылазь с-под шкафа, я тебе щас покажу, кто в доме хозяин. А голос ему отвечает: ДА, Я КРУТОЙ! ДЕРЖИСЬ, КОЗЁЛ, ЗА СТУЛ, Я ТЕБЕ СЕЙЧАС ВЫЛЕЗУ!

Ну, растаман, короче, взялся за стул. Стоит, смотрит, а с-под шкафа никто не вылезает. Ну, он, короче, повтыкал минут полчаса и пошёл за хлебом. Вернулся, сел хавать. Вдруг слышит из-под шкафа: Чувак,

Гайдук собственной персоной.

[Про таксиста-грамотея 2011 HD | The Cab Driver Who Knew It All 2011 HD ENG SUBS](#)

Д. Гайдук. Про таксиста-грамотея.

[Регулярная шизофрения](#)
Регулярная шизофрения

хорош гнать! дай хлебушка!

Растаман туда смотрит, а оттуда характерной походкой вылезает зелёная мышь с красными глазами. И говорит: Ну, дай хлебушка! А растаман ей: хренушки! Не фиг было меня дебилом называть. А ну, лезь обратно под шкаф, не мешай мне хавать. Тогда мышь залазит под шкаф и оттуда бухтит: (маты я пропускаю) Кусочек хлеба для бедной мышки, и то зажал! Ну, подожди: ночью вылезу, снова всё схавую.

И свалила. А растаман высел на измену. Он же ночью или спит, или зависает. Ситуацию не контролирует, короче. А мышь, она же, во-первых, ночью не спит, в темноте всё видит, это же надо теперь заморачиваться от неё хавчик прятать, чтобы она его не заточила. Это же такой напряг, короче, как на войне, теперь и не покуришь нормально, всё время надо за мышку думать, чтобы она ничего не схавала. Забил косой, покурил – а его не прёт! Такая вот мышь – пришла и весь кайф навеки обломала.

Тогда растаман думает: это, наверно, сейчас надо растаманскую кошку найти и подписать её, чтобы она с мышкой разобралась. А растаманскую кошку найти не проблема. Потому что она как с вечера растаманского молока напилась, так до сих пор лежит посреди хаты, как мешок с драпом. И вот растаман начинает её тормошить, за уши, за усы, за хвост и так далее. В конце концов она открывает левый глаз и говорит: о, ништяк! А клёво бы сейчас ништяков каких-нибудь заточить. Тогда растаман терпеливо и доходчиво врубаёт её в ситуацию с ништяками и подлой мышкой, которую надо срочно схавать. Кошка его внимательно слушает, а потом говорит: ну, чувак, я вообще так поняла, что завтрака сегодня не будет, да? Ну, тогда я ещё повтыкаю, ладно? И закрывает свой левый глаз обратно.

А тут приходят друзья-растаманы и застают своего дружбана на полу возле напрочь убитой кошки на жуткой измене. И говорят: браток, не высаживайся! Мы вот сейчас покурим и эту мышку прищемим, чтобы она тут не беспредельничала. А мышь им с-под шкафа: куда вам меня щемить, кони красноглазые! Задрочивает, короче. А с-под шкафа не вылезает.

Тогда растаманы свирепеют и разрабатывают зверский план, как эту мышку с-под шкафа выгнать и жестоко наказать. Короче, значит так: два растамана должны встать на стулья и трусить шкаф сверху, ещё один растаман должен стучать по шкафу кулаком, ещё один будет шарудеть под шкафом шваброй, а ещё один встанет возле шкафа с двумя бутылками, чтобы как только мышь вылезет, так и сразу в неё метнуть. Потом они раскуривают косой и приступают к выполнению своего плана. Короче, два растамана становятся на стулья и начинают трусить шкаф, ещё один ритмично стучит по шкафу кулаком, ещё один чисто под ритм шарудит под шкафом шваброй. А старый растаман тоже под этот ритм стучит бутылками. И вот они постепенно входят в ритм и начинают оттягиваться в полный рост, получается такой индАстриал, типа Айштунценде Нойбаутэн.

Короче, сейшенят они, значит, типа минут пятнадцать или даже полчаса, и вдруг слышат, кто-то на гитарке начал подыгрывать. Причём саунд какой-то совсем незнакомый, явно не местный, но всё равно клёво так, мягко и, главное, очень в тему. Смотрят – а там стоит чувак какой-то, совсем непонятный, откуда он и вообще. Растаманы его спрашивают: чувак, а ты откуда. А он говорит: я с Ивано-Франковска, шёл тут мимо, слышу, люди сейшенят на ударных, вот решил с гитаркой подписаться. А растаманы говорят: та, это мы не сейшеним. Это мы мышку с-под шкафа выгоняем.

Тогда ивано-франковец заглядывает под шкаф и говорит: ну, чуваки, это вы её до конца сезона так выгонять будете. Потому что она уже давно под полом сидит. У вас же в плинтусе дырка, так она туда скипнула ещё в начале сейшена.

Растаманы смотрят: а там и в самом деле дырка офигенная, аж ветер свистит. И говорят: ух, ты! Какой, ты, блин, врубной, в натуре! А мы тут со шваброй и с бутылками. А ты, блин, сразу врубился, что она скипнула. Слы, чувак, так ты, может быть, знаешь, как её, суку, прищемить, чтобы она не беспредельничала. Потому что она тут один день тусуется и уже всех достала. А ивано-франковец говорит: это зависит, какая у вас мышь. Тогда старый растаман говорит: ну, она, да... Короче, знаешь, такая вся стрёмная, зелёная, а глаза как маленькие помидорчики. А ивано-франковец ему отвечает: ну, так это, короче, не проблема. Это вы неделю не покурите, и она сама по себе рассосётся.

Тут все растаманы как зашумели: та, шо ты гонишь! Прямо как психиатр, в натуре. Это же как можно, целую неделю не курить, это же вообще умом поехать можно. А ивано-франковец им говорит: тогда давайте другой способ, менее напряжный. Тогда давайте нажарим каши, положим грамм сто на блюдечко и поставим посреди комнаты. Мышь ночью вылезет, каши обхавается и приторчит, а мы её только хап! и сразу запакуем в бандероль и отправим на фиг в Израиль, потому что левым здесь не место. Вот так её сразу в Израиль и отправим. Только надо ещё шкаф пересунуть в другой угол. Растаманы подумали и говорят: чувак, а может быть, не надо шкаф сОвать? Потому что он такой тяжёлый, прямо как монумент, четыре тонны с гаком. А ивано-франковец говорит: надо, чуваки! Не знаю, точно, зачем, но чем-то задним чувствую, что надо. И без долгих базаров встаёт и упирается в шкаф плечом. Тут все растаманы идут ему навстречу и довольно быстро, даже почти без матов и совсем без перекуров, пересовывают шкаф в другой угол.

Потом они по-быстрому дербанят в палисаднике траву, жарят кашу, хапают по три ложки и через полчаса уже висят в полный рост. И тема у них, короче, такая: они все сидят на полу и втыкают на блюдечко с кашей, когда же эта мышь придёт и будет хавать. А на блюдечке происходит такое бурление, шевеление, цветочки растут, птички поют, вселенные встают и рушатся, и всё такое. И вот появляется зелёная мышь, ныряет в эту кашу, начинает там валяться, бултыхаться, бегать, прыгать, и хавает, хавает, хавает – и вот,

она, короче, захавала всю кашу и зависла посреди блюда. Тут все растаманы врубаются, что её надо ловить, и начинают её ловить. А она начинает от них уползать. И вот они ползут за мышью, а она ползёт от них. Ползут они, значит, ползут, и вдруг мышь ныряет обратно под шкаф. А растаманы ударяются в шкаф головой и хором думают: бля! какая, сука, шустрая!

А через минут пятнадцать под шкафом начинается грохот, глухие удары головой в стенку и громкие маты. Это мышь на конкретной измене ищет свою дырку в плинтусе и не может её найти. Потому что шкаф пересунули. И вот она бежит под шкафом, таранит плинтус и кричит: замуровали, демоны! Тогда ивано-франковец суёт руку под шкаф, достаёт оттуда мышью и говорит ей: ну, что, зелёная? допрыгалась?

Мышь оценивает ситуацию и понимает, что она таки в натуре допрыгалась. И говорит: чувак, ну я же не виноватая. Просто, знаешь, вчера так на хавчик пробило, так что мне, уже и похавать нельзя? А ивано-франковец говорит: похавать тебе всегда дадут, если по-нормальному попросишь. Только наглеть не надо, ясно? А мышь говорит: так он же сам первый на меня погнался, и хлеба не даёт. А ивано-франковец говорит: ну, я вижу, ты, в натуре, тупая, ничего не понимаешь, надо тебя воспитывать. Тогда мышь видит, что чувак совсем не пацанист и настроен очень решительно, и говорит: всё, всё, всё. Всё я понимаю, короче, я здесь со всех сторон неправа, не надо меня воспитывать. Я уже всё понимаю. И беспредельничать больше не буду. Только не надо меня воспитывать.

Тогда ивано-франковец ставит мышью на пол и говорит: ну, смотри, ещё раз чуваки на тебя пожалуются – можешь сразу вешаться. Ясно?

Тогда мышь быстренько отвечает: ясно, гражданин начальник! И снова ныряет под шкаф. А потом через полчаса опять выныривает с-под шкафа и говорит: чуваки, ну, так я что-то не поняла, где моя дырочка?

Но растаманы уже все повырбались, намаялись за день, конечно. Устали, и всё такое. А тут ещё каша пригрузила. И всем эти мышины проблемы по барабану, даже кошка растаманская на них не ведётся. Ну, мышь потусовалась до утра, дырочки никакой не нашла, обломалась и с хаты свалила. И больше её здесь не видели.

Про войну

А вот как было на войне, мне мужик один рассказывал. Пришли, короче, гады немцы и завоевали весь город. А все конкретные партизаны убежали в лес, там запрятались и сидят. И вот они, значит, сидят, а тут у них сгущёнка кончилась. И тушонка кончилась. И хлеб весь кончился. И сало кончилось. И картошка кончилась. И огурцы кончились солёные домашние. И повидло кончилось. И колбаса кончилась. И беломор они весь скурили - короче, как дальше жить. И вот они начинают совещаться, чтобы разведчика в город послать, потому что ну короче.

А разведчик идти обламывается. Говорит: ну, что вы, чуваки, в натуре? Там же немцы, они же меня убьют и съедят. Это же гады немцы, они же любого партизана на раз выкупают, что он партизан, и сразу вяжут без разговоров. А главный партизан говорит: без измен, чувак! Слы, чувак, в натуре: без измен! Это всё чисто гонимо, что они такие врубные, а на самом деле они, ну, ты понимаешь. Короче, надень, братишка, темные очёчки, зашифруйся слегонца, и никто тебя не выкупит, что ты партизан. И ходи немножко ровнее, и это. Да... Ага! За базаром следи, короче. А лучше вообще молчи, и, главное, смеяться не надо, понял? Нету там, в натуре, ничего смешного. Ну, подумаешь, ну, немцы. Ну, ходят, ну, по-немецки говорят... В конце концов, у каждого своя шиза, и нечего с них смеяться. Они, может быть, тоже с нас смеются. Ну, так они же по-цивильному смеются, а не так: ГЫ-ГЫ-ГЫ! А ты лучше вообще не смейся, и за базаром следи, и никто тебя не выкупит.

Разведчик говорит: это как-то сильно поморочено. И не смейся, и за базаром следи, и ходи ровнее... Это ж каким монстром надо быть, в натуре. И ещё темные очёчки. Так они же меня по очёчкам сразу и выкупят, что я партизан конкретный. А главный партизан говорит: спокойно, брат, никто тебя не выкупит. А разведчик: а ты уверен, что никто меня не выкупит? А главный говорит: сто процентов уверен. Что тебя никто не выкупит, если ты сам не спалишься. А разведчик ему отвечает: ну, вот, если ты уверен, что не спалишься. А я за себя ни фиги не уверен. Ты, если уверен, бери мой рюкзак и иди туда сам, если ты уверен, что ты не спалишься. Потому что ты на меня посмотри и на себя посмотри, кто из нас более по-цивильному выглядит.

Тут все партизаны начинают на главного наезжать: в натуре, Славик, в натуре! У тебя одного из нас цивильный вид сохранился, и по прикиду, и вообще. И, короче, с такого коллективного наезда дружно выписывают главного в разведку. Дают ему рюкзак, собирают бабки, суют в карман пакаван килограмма на два. И выписывают его в разведку.

И вот он идёт по шпалам в город. Потому что ночь кругом, дизеля не ездят, а он идёт себе по шпалам. Идёт, значит, он идёт, и вдруг только: хлоп! хлоп! хлоп! Кто-то его сзади по жопе хлопает. А он идёт и думает: и кто это там меня хлопает? По жопе? Турист, наверное. Нет, наверное, точно турист. Идёт, короче, сзади, и по жопе хлопает, чтобы я обернулся. А я вот не обернусь. В натуре, какой мне понт оборачиваться? Без понтов, в самом деле: ходят тут всякие туристы галимые, а я ещё буду на каждого оборачиваться. Вот это мне больше делать нечего, только идти и на туристов оборачиваться. И идёт дальше, не оборачивается.

Тут его опять сзади по жопе: хлоп! хлоп! хлоп! А он идёт и думает: нет, это уже не турист. Турист

нормальный уже давно бы обломался. Это всё-таки медведь. Большой такой медведь, килограмм на триста. Идёт сзади и хлопает. Хлопает, бля, и хлопает! Сейчас вот обернусь, пошлю его на \$\$\$ и дальше пойду.

И вот он оборачивается и говорит: "Медведь, иди на \$\$\$!" Смотрит, а там паровоз. Упёрся ему носом в жопу и гудит, аж разрывается. А с кабины машинист знакомый высовывается. Кричит: Эй, партизан! Куда собрался?

Партизан ему говорит: в город иду. В разведку. А машинист говорит: ну, ты, в натуре, умом поехал! Там же гады немцы, они же тебя сразу повяжут. А партизан говорит: не грузи. Ничего они меня не повяжут, я же смотри как зашифровался. Прямо как цивилильный гражданин, и по прикиду, и вообще. А машинист говорит: цивилильные люди паровозы жопами не останавливают. А партизан говорит: ещё и как останавливают! То ты просто цивилильных людей не знаешь. Ты лучше, давай покурим, а потом ты меня в город отвезёшь, а то я задолбался уже идти. Иду, блин, как дурак последний, уже три часа подряд, а тут ещё кто-то по жопе хлопает: знаешь, как раздражает! Машинист говорит: ладно, давай покурим.

Короче, приезжают в город оба в хорошем настроении и идут в гости к подпольщикам. А подпольщики сидят у себя в подполье и пишут воззвание к народу. Уже неделю пишут, и всё без понтов. То у них гитара попсоху конкретную гонит, то вокалист лагает, то барабаны что-то левое стучат, прямо как об стенку горохом. Короче, школьная самодеятельность. А им же хочется крутое воззвание, чтобы как Боб Марли, или Питер Тош, или хотя бы как Джа Дивижын. А у них ни фига не получается.

И вот они в депресняке уже неделю, бухают со всех сил, ну конечно. И пишут своё воззвание. А тут к ним в гости приходит партизан с воот таким пакаваном травы. И говорит: обломайтесь, чуваки, давайте покурим. И вот они покурили, а потом взяли инструменты и как начали оттягиваться! В полный рост! Такое воззвание пошло, куда там тому Бобу Марли! А тут соседи, суки, услышали, и сразу гадам немцам позвонили: приезжайте, у нас тут среди ночи шумят, хулиганят, спать не дают.

Приезжают, короче, немцы. И говорят: ну, вас, подпольщиков, мы уже знаем. И последний раз предупреждаем: смотрите, короче, у нас. И тут они замечают партизана. И говорят: а это ещё кто такой? А подпольщики говорят: это братишка из Миргорода приехал, в институт поступать. А немцы: знаем мы ваших братишек! Это же, по глазам видно, что партизан. Короче, говорят, одевайся, парень, и поехали с нами в гестапо.

Приезжают они в гестапо и говорят Мюллеру: вот, короче, партизана привезли. А Мюллер говорит: о, клёво! Партизана привезли! Сейчас мы его будем пытаться. А партизан говорит: ну, ты, начальник, в натуре прямо садист! Чуть что, так сразу и пытаться! Давай лучше покурим. А Мюллер говорит: покурить мы всегда успеем. Ты давай рассказывай, где твои партизаны прячутся. Партизан задумался, и вдруг говорит: во! Вспомнил! В лесу они прячутся. А Мюллер говорит: ты давай конкретнее, конкретнее давай, а то в лесу, мы и сами знаем, что они в лесу. Партизан ещё раз подумал и говорит: ну, знаешь, короче. Вот это как в лес зайдёшь, так сразу направо чуть-чуть, а потом на просеку и прямо, прямо, прямо, прямо... стоп! Там же где-то ещё раз свернуть надо. Та, ладно, короче, по просеке, это галидор сплошной, там вообще короче дорога есть, только это надо вспомнить... Сейчас, короче, покурим, и я всё нормально вспомню. А Мюллер говорит: не! Курить мы не будем, а будем мы тебя пытаться. Тогда ты точно сразу всё вспомнишь. И перестанешь тут мозги нам вкручивать про просеки и магазины.

А партизан ему говорит: ну, ты, начальник, в натуре, гонишь. Ты же мужик нормальный, что ты, в самом деле, прямо как фашист какой-то? Пытать, пытаться... Ну, на, вот! пытай меня, сволочь немецкая! режь меня на части! ешь меня с гамном! мне всё ПО \$\$\$! я ПАРТИЗАН! я твоего гитлера В РОТ \$\$\$! И не дожидаясь, пока его начнут пытаться, хватает, короче, со стола бритву и режет себе руку в десяти местах. Тут все гады немцы на измене хватают его за руки, забирают бритву и говорят: успокойся, чувак! Давай лучше, в самом деле покурим. А он орёт: суки! фашисты! маньяки конченные! - и пытается себе горло зубами перегрызть. Тут гады немцы привязывают его к стулу, так он вместе со стулом на пол падает и лупит головой об цемент. Тут даже Мюллер в натуре перестремался и кинулся звонить на дурдом.

И вот приехали суровые санитары, обширяли партизана галоперидолом, погрузили в машину и увезли на дурдом. А на дурдоме психиатор ему говорит: ну, и чего ты вот это, в самом деле? Партизан говорит: а чего они гонят: пытаться будем! пытаться будем! И покурить не дают, суки, уроды, немцы позорные. А врач говорит: какие такие немцы? Нету здесь никаких немцев.

Партизан говорит: ха! Вот это залепил, братишка. Как это, немцев нету? Если я же их сам видел. А психиатор ему говорит: мало ли, что ты видел. А партизан говорит: так я же мало того что их видел. Они же меня ещё и повязали. А психиатор: кто ещё тебя вязал? Никто тебя не вязал, это ты всё, парень, гонишь.

Партизан говорит: это ещё кто из нас гонит. А кто меня тогда, по-твоему, на дурдом отправил? А психиатор говорит: какой-такой дурдом? Нету здесь никакого дурдома.

Тогда партизан говорит: что за фуфло, в натуре? Дурдома нету, а психиатор есть. А психиатор ему говорит: и психиатора тоже никакого нету. И санитаров нету. И немцев нету. И русских нету. И евреев тоже нету. И чеченцев тоже нету. И казахов тоже нету. И армян тоже нету. И французов тоже нету. И японцев тоже нету. И китайцев тоже нету. И корейцев тоже нету. И вьетнамцев тоже нету. Тут партизан въезжает в этот ритм и начинает его стучать. А психиатор достаёт гитару, и у них получается джем-

сейшен часа на полтора.

А потом партизан спрашивает: так что, в натуре немцев нету? А психиатр отвечает: в натуре нету. И меня нету. И тебя нету. А есть только одно сплошное глобальное гонимо, с понтом где-то что-то есть. А на самом деле нигде ничего нету, вот. Врубись, мужик, как клёво: нигде вообще совсем ничего нету. И тут партизан как врубился! И как прикололся! Часа три подряд прикалывался, аж вспотел.

А потом говорит: в натуре, клёво-то как! Нигде вообще ничего нету. И гадов немцев тоже нету. Надо пойти корешам сказать, а то они в лесу сидят на изменах, в город за хлебом сходить стремятся. А психиатр говорит: нет, братан, то ты, наверное, ещё не совсем врубился. Потому что никакого города нету. И хлеба нету. И корешей твоих тоже нету. А есть одно сплошное глобальное гонимо, и все на него ведутся, как первоклассники. С понтом где-то что-то есть.

Партизан говорит: нет, тут я с тобой не согласен. Ну, ладно, гадов немцев нет, так это даже клёво. И корешей нет, ладно, ну, нету их, и ладно. Нет так нет, в конце концов. Но где-то же что-то должно быть, ёлы-палы! Где-то что-то всё-таки вообще конкретное должно быть. А то я вообще не понимаю.

А психиатр говорит: ты, знаешь что, братан. Ты, короче, впишись у нас на недельку. Оттянись, крышу свою подправь. А потом ты во всё по-нормальному врубись. А партизан говорит: ты вообще меня извини. Ну, ты, конечно, клёвый мужик, вообще. Только ты меня извини, наверно. Потому что я сейчас, наверно, ещё немного посижу и пойду. Пока ещё дизеля ходят. А то потом опять в лес по шпалам, знаешь, какой напряг. И хлеба ещё надо купить, потому что. Так что я наверно точно сейчас пойду. А психиатр говорит: без проблем, чувак. Сейчас вот покурим слегонца, и пойдёшь, куда тебе нужно. И достаёт с письменного стола уже приколоченный косой.

Короче, покурили. А утром ещё покурили. А вечером догнались, на гитарках поиграли, песни попели, чаю попили. Короче, всё ништяк, программа конкретная. А потом с утра надербанили травы в палисаднике и замутили молока. И вот партизан постепенно на дурдоме плотно вписался. А там на дурдоме клёво, народ по жизни весь отбитый, шизофреники крутейшие. Весь двор травой засеяли, ещё и поле у них где-то за Супруновкой, гектара два с половиной. И вот по осени едут они все туда на заготовки. И тут партизана снова пробивает, что ему надо в лес. Садится он, короче, на дизель и едет в лес.

А в лесу гавайцы ему говорят: ну, тебя только за смертью посылать. А нам тут, пока ты ходил, американцы гуманитарную тушонку подогнали. А англичане гуманитарную сгущёнку подогнали. А голландцы гуманитарную зелёнку подогнали. Вот видишь, как клёво быть партизанами. Сидишь, ничего не делаешь, и все тебе помогают. А потом ещё наши придут, всех медалями понаграждают, или даже орденами. Потому что наши по-любому придут, никуда они не денутся. Придут, короче, наши, и всё будет ништяк.

Про штангиста

И что это я, в самом деле, всё про наркоманов да про наркоманов? Давайте я вам лучше про спортсменов расскажу. Короче, случай из жизни штангистов.

Короче, случай из жизни штангистов. Сидит такой себе штангист у себя дома, пиво пьёт, кальбасу кушает, шуфика по мафону слушает, потом ван-дама по видуку смотрит. Офигенный себе штангист: репа во! плечи во! спина как футбольное поле – но только не прёт его вся эта жизнь! Нет, не прёт! Хочется штангу потягать – ну, он же штангист, в натуре, – а штанги-то и нету. Потому что межсезонье.

И вот наш штангист встаёт с дивана и идёт на спортсменскую тусовку. А там сидят ещё такие же штангисты с тоской в глазах, некоторые уже целую неделю штанги не нюхали. Но, говорят, к вечеру штангу должны подвезти. И какую штангу! Пацаны, говорят, вчера один блин вшестером поднимали. Но и цена соответственная – вот только денег ни у кого нет. И у нашего штангиста тоже.

А кругом-то жизнь спортивная кипит! Вот пловцы из бассейна брассом выплыли – можно бы у них денег занять, но они, что им говоришь, ничего не понимают: вода в ушах. Некоторые уже по две недели в заплыве – и на какие только деньги плавают? Ну, так настоящему пловцу много ли надо: город большой, народу много, пару раз нырнуть всегда на шару можно. Там нырнул, тут нырнул – смотришь, уже и наплавался.

Рядом автогонщики тусуются – только и слышно, что про горючку да про кубатуру. Подхожу к знакомому гонщику; давай, говорю, на штангу скинемся, а то у нас не хватает. А он и говорит: ты меня, Славик, извини, – не прёт меня уже давно ваш бычий кайф. Это ж надо, говорит, такое придумать: тяжести тягать. Да если б у меня, говорит, деньги были... Ну, конечно, если бы у него деньги были, он бы на них горючки взял, или каких-нибудь винтиков-шпунтиков, или, на крайняк, колёс бы запасных купил. Потому что ни фига он в штангу не врубается.

А вот легкоатлет знакомый пробежал – мы к нему, а он от нас. Марафон он, видите ли, бежит. Имени Первого Салюта. Следом за ним другие марафонцы промелькнули, даже не поздоровались. А штанги-то никто не несёт. И денег у нас максимум на два блина.

И вдруг появляется из-за угла наш Коля Шварцнеггер – это у чувака такой спортивный псевдоним, чтобы никто не догадался. Походка тяжёлая, глазки красные, улыбочка характерная. И катит перед собой воот такую тачку с блинами! Ну, говорит, чуваки, сегодня оттянемся: дядя из Джанкоя посылочку прислал. Тут

все штангисты сразу расцветают на лице и радостно, но без лишней спешки идут в укромный скверик. Там они надевают на штангу блины, крепенько их привинчивают, чтобы не полетели, и начинают её по очереди тягать. Пару раз потянули – ох, хорошо-то как! А тут и менты откуда ни возьмись. "А-а, – кричат, – попались, штангисты сраные!..."

Ну, а дальше-то что? А дальше мы им просто по тыжке настучали, чтобы не мешали людям культурно отдыхать. Ведь мы же спортивные парни штангисты, не наркоманы какие-нибудь! И пусть они нас на измену не высаживают!

Музей спящих хиппи

Представьте себе стрёмный флэт. Типа бомжатника. Короче, глинобитный дом, одна половина сгорела, на другой половине вписываются волосатые.

Однажды вечером, в конце сентября, сидят на флэту четверо пиплов и пьют чай. Тут приходят ещё двое и говорят: давайте покурим. А те четверо говорят: обломайтесь, чуваки, сколько можно уже курить. Короче, если хотите, выйдите на кухню и сами покурите. И вот эти двое выходят на кухню и долбят один косою на двоих. Через три хапки становится ясно, что одного косога на двоих будет сильно много. Так что пятку они бычкуют и ныкают на кухне за газовой трубой.

Ну, да. Короче, забычковали пятку и идут пить чай. Долго так идут себе идут, в конце концов устали и вырубались.

Просыпаются через пятьдесят лет. А кругом-то всё **ништяк**, анархия, фрилав и полный **легалайз**. Старый бомжатник стоит под стеклянным колпаком; и вот пиплы просыпаются, выходят во двор пописать и упираются носом в этот самый колпак. И оба думают почти одновременно: ох, ничего себе. Если бы крыша была — сразу бы на фиг слетела!

Тут подходит к ним какой-то волосатый и говорит: обломайтесь, чуваки, понедельник день тяжёлый. Музей закрыт, заходите завтра. Они ему отвечают: чувак, не гони, нас тут вчера вписали, какой ещё тут музей. Волосатый говорит: тут уже лет пятьдесят никого не вписывают. Это же музей, в натуре, архитектурный памятник конца прошлого века. Пиплы подумали и спрашивают: а где у вас тут пописать можно? Волосатый говорит: пошли покажу.

Ведёт он их в дабл — а вдоль дорожки ёлки стоят трёхметровые, шишки с кулак величиной. Пиплы только удивляются, что за трава такая. Индюха, наверное. Надо бы, думают, хотя бы одну шишечку замутить. Тут волосатый перехватывает ихние взгляды и говорит: чуваки, а может быть, вас раскумарить? А то вы прямо как из голодного края. Вы вообще не с севера приехали? А они говорят: нет, мы местные, но раскумариться всё равно хотим. Волосатый тут же достаёт забитый косяк и выдувает каждому всего лишь один паровоз. И тут же мостится выдуть второй. А пиплы уже висят как две лампочки, дважды два четыре не помножат. Волосатый только смеётся: ну, чуваки, вы, ей-богу, не местные. Это же двочка для девочек, мы с неё молоко варим. И буднично так, по-бытовому докуривает этот косяк прямо как какой-нибудь винстон с фильтром.

Дальше идут обычные плановые расклады. Пиплы наши тормозят по-чёрному и ни в что не врубаются. Волосатый их пристёбывает, но в душе явно завидует, что чуваков так круто прёт. И вот они приходят к волосатому в каптёрку — он типа сторожем здесь работает. А в каптёрке сидит отшибленная герла — худая, бледная, глаза как помидоры. Короче, клёвая. И говорит: ой, пиплы, какие вы оттяжные. Вы знаете на кого похожи? На двух волосатых, которые у нас в музее лежат. Лежат уже полсотни лет в полном анабиозе, а как это у них получилось — никто не знает. Если хотите, можете приколоться посмотреть. Пиплы отвечают: пошли, приколемся. И все вчетвером идут смотреть на спящих **хиппи**.

Но тут у них, конечно, выходит облом, потому что никаких спящих хиппи на месте нет. Волосатый сторож на измене: как так нет, с утра были, куда же они подевались? И вдруг по флэту прокатывается общий вруб: хиппи проснулись! И вот они здесь!

По этому случаю раскуривают ещё один косяк и идут пить чай. За чаем происходит небольшое интервью, и общая мысль такая, что неплохо бы замутить молока. По случаю пробуждения спящих хиппи. А начальству до завтра ничего не сообщать, а то набегут всякие доктора-профессора, весь кайф поломают. Сторож звонит каким-то людям, они тут же привозят банку сгущёнки — короче, процесс пошёл.

К вечеру все уже как зайчики подводные — сидят, пузыри пускают. Собралось в музее человек пятнадцать, один другого круче, наших пиплов среди них вообще мелко видно. А они вдруг чувствуют — что-то начало попускать. И догнаться вроде бы нечем. Выходят на кухню, шарят за трубой — вот она, пяточка! Никуда не делась! Делают по паре хапок — и засыпают ещё на пятьдесят лет.

Джатака о говне

Одна собачка любила есть говно. Увидит, съест, а потом и хозяйку оближет: вот, мол, какое вкусное! А хозяйка ее не понимала, кричала, матюкалась, поводком лупила, а однажды пожаловалась на нее большому собакам. И вот, собралась большая собака и говорит: собачка, не ешь говна! А собачка говорит: ну, как же его не есть, если оно такое вкусное и пахнет приятно... А большие собаки говорят: фу! да ты извращенка! А собачка говорит: да вы, небось, и сами его едите, когда никто не видит! И тут большие

собаки, до глубины души обиженные таким вот обвинением в говноедстве, да, обиделись большие собаки и каак заррычат! А маленькая собачка испугалась и тут же торжественно пообещала, впредь говна не есть.

И вот она его не ест и не ест — а хочется! А она все равно не ест. А оно все равно хочется. Но маленькая собачка проявила большую силу воли, и не ела говна целый месяц... а может быть, и два... а может быть, и — короче, долго она говна не ела, и наконец хозяйка, восхитившись собачкиной выдержкой, купила ей в подарок большой кулек педигри. Это такой корм собачий, если кто не знает, хотя, кто же педигри, не знает? Педигри все знают, многие по телевизору видели, а многие даже пробовали (под пиво, например), и даже знают, какое оно на вкус. И собачка тоже его попробовала, и возрадовалась от всей души, поскольку оно и вкусом, и цветом, и запахом — ну да! Именно, именно! Вот, как раз такое, за что ее хозяйка поводом лупила, а большие собаки дружно рычали. И теперь его целый огромный кулек, и можно есть вполне законно, на совершенно легальных основаниях.

И стала собачка такой счастливой, что ее даже в рекламе сняли. Бежит она, короче, по полю, а там говно. Она его нюхает, кривится и дальше бежит. Подбегает к хозяйке, машет хвостиком и получает педигри. А за кадром голос хозяйки: раньше моя собачка любила есть говно, а теперь она ест только педигри. И потом рекламный слоган на весь экран: ПЕДИГРИ: ВКУС НАТУРАЛЬНОГО ГОВНА!

И стали эту рекламу по телевизору гонять. И увидели ее миллионы телезрителей, и даже Джа-Будда ее увидел, и его любимый ученик Ананда тоже увидел, хотя они, вообще-то, не телезрители, а просто к телевизору в гости зашли — ну, и завтыкали. А там как раз такая вот собачка! И вот Джа-Будда, посмотрев на нее, глубоко задумался и сказал:

Не только в этой жизни, братья, были у рекламной собачки экзистенциальные проблемы с говном, и не только в этой жизни она их успешно решала. Когда-то давным-давно было на свете одно приятное царство, и был в нем царь, и был у того царя единственный сын, и был тот сын конкретным засранцем. То есть, в натуре! Не стригся, не брился, не мылся, зубы не чистил, жопу пальцем подтирал, а палец вытирал об стену, чтобы все видели, какой он засранец. Царь уж и уговаривать его пробовал, и воспитывать его пробовал, и даже лечить его пробовал — все напрасно! Как был царевич засранцем, так и остался. А царь-батюшка, видя все это засранство, впал в уныние, дела государственные забросил, и вообще в монахи постричься хотел -

но тут вдруг приходит к нему гонец и передает приглашение от главного говновоза. Знаю, мол, царь, о твоих проблемах, и даже знаю, как их решить. Давай-ка встретимся в Южной Роще, завтра вечером, часов в одиннадцать.

И вот приехал царь в ту рощу, а главный говновоз ему и говорит: слушай сюда. Выгребал я давеча говно с твоего сортира и по запаху понял, что печаль у тебя большая. А потом по цвету понял, что печалишься ты о своем сыне. А потом людей порасспросил и узнал и про твоего сына, и про твою печаль. И вот, решил я тебе кое-что подсказать — если тебе, конечно, мой совет интересен.

Царь ему говорит: конечно, интересен. Тогда говновоз ему говорит: ежели твой сын засранец, пусть живет как засранец. Объяви его главным царским засранцем, а там посмотришь, что будет.

Ну, царь, конечно, говновоза послушал — а что ему еще оставалось? Взял, короче, да издал указ: дескать, мол, с завтрашнего дня вступает наш царевич в должность Главного Засранца, и отныне ему запрещается мыться, стричься, бриться, чистить зубы, а также вменяется в обязанность подтираться пальцем и об стенку. А царевич-то обрадовался: ура, ура, моя эстетика победила! И тут же засрался по уши. А царь говорит: какой молодец! Давай и дальше в том же духе!

Тут-то царевич и обломался! И все предписания нарушать начал: то помоемся, то зубы почистит, а то, глядишь, и туалетной бумагой воспользуется. А царь, как об этом узнает, сразу зовет его к себе и при всех министрах строжайше отчитывает: гляди, мол, Главзасранец, чтобы это было в последний раз. Не то в немилость впадешь, и будут у тебя большие проблемы.

И вот, где-то через год, приходит царевич во дворец, весь из себя демонстративно чистенький, выбритый, постриженный, и говорит: всё! не боюсь я больше твоей немилости! и нечего меня заставлять! Почему это все другие царевичи чистенькие ходят, а я один как засранец?

А царь ему говорит: ну, раз немилости не боишься, то объявляю тебе свою немилость. Иди и подумай над своим поведением, а я себе другого наследника найду. А ежели хочешь прощение заслужить, то чистым впредь ко мне не приходи.

А царевич отвечает: очень мне надобно твое прощение! И без него как-нибудь проживу! Зато я теперь сам себе хозяин: захочу — помоюсь, захочу — запачкаюсь, а захочу — так вообще говновозом работать пойду! И никто меня не остановит!

А царь ему говорит: ну, сынок, это уж дело твое. Да только не примут тебя в говновозы, потому что это работа не для слабых умов. Тут царевич каак возмутится: это у кого тут слабый ум?! Это у меня-то слабый ум?! Да я...!!! Да я...!!! И, короче говоря, пошел в говновозы устраиваться.

Приходит — а говновозы как раз всю работу покончили, помылись, поужинали, покурили и сидят, беседы умные ведут. А тут приходит к ним царевич и говорит: примите меня в свою команду. А главный говновоз:

принял бы, да нельзя. Говновозом может стать только сын говновоза, или уж, на худой конец, племянник или зять. Такое у нас правило, и нет из него никаких исключений.

А царевич ему отвечает: если исключений нету, то откуда ж тогда самый первый говновоз взялся? С неба, что ли, упал, или из земли вырос? Тут все говновозы одобрительно засмеялись, а главный говорит: ладно. Задам и я тебе сейчас один вопрос. Если на него ответишь — будешь моим учеником, если нет — тогда уж извини-подвинься. А вопрос мой очень простой: что такое говно?

Царевич говорит: ну, это любому понятно. Я насрал, ты насрал, он насрал — вот вам и говно. А говновоз ему отвечает: ответ неверный. Мы эту субстанцию золотом называем, потому что сам погляди. Мы его у горожан забираем, а горожане нам за это платят. А потом мы его крестьянам отвозим, и крестьяне нам снова платят. Где ты еще такой предмет найдешь, чтобы даром доставался и двойную выгоду давал? Так что, парнишка, подумай лучше и отвечай снова: что такое говно?

Тогда царевич подумал и думает: ага! Если говно для вас золото, то золото для вас говно. И отвечает: говно — это золото. А говновоз ему говорит: ответ неверный. А царевич: как это неверный, ты ведь сам посмотри, сколько говна люди друг другу делают, и все из-за золота. А говновоз говорит: хорошо. Но виновато ли в том золото? Оно ведь само по себе металл полезный и нейтральный, и вовсе даже не говно.

Тогда царевич говорит: а-а-а, я понял. Говно — это люди, которые друг друга подсирают, обсирают, говном мажут, в говно втаптывают и с говном съедают. А говновоз ему: не спеши, парнишка, а посмотри на тех же людей повнимательнее. Они ведь кого-то в говно втаптывают, а кого-то, напротив, с говна вытаскивают, кого-то говном мажут, а кого-то от говна отмывают, кого-то с говном едят, а за кем-то говно выносят. Вот и получается, что один и тот же человек для кого-то говно, а для кого-то — чистое золото.

Царевич говорит: ну, тогда я не знаю. А говновоз ему: ну, коль не знаешь, так узнавай, а как узнаешь — приходи, приму тебя в ученики. И с этими словами забивает новую трубочку и пускает ее по кругу, а царевичу не предлагает и перестает его в упор замечать.

Вздыхнул царевич и пошел по свету — искать ответ на вопрос, что же такое говно. Странствовал он семь лет, и много всякого говна за это время схавал, а потому решил, что весь мир говно. И вот, приходит он к говновозам, а они сидят как сидели, как будто и дня не прошло. А главный говновоз сразу его узнал и спрашивает: ну, что? Знаешь теперь, что такое говно?

Царевич говорит: ох, знаю! Говно — это весь наш мир, и вся наша жизнь, и все, что мы имеем. Тогда говновоз, ни слова ни говоря, забивает новую трубочку и протягивает ее царевичу. А потом подвигается, чтобы он рядом сел.

И вот они посидели, покурили, поболтали, помолчали, потом опять покурили, а потом говновоз царевича спрашивает: слушай, парнишка, ты тут давеча говорил, весь наш мир говно? Царевич отвечает: говорил. Или не говорил. В натуре, не помню. Не, точно не говорил. Не, точно. Не мог я, в натуре, такую парашу сказать.

Тогда говновоз спрашивает: ну, ежели тебе мир не говно, то что ж такое говно? А царевич отвечает: ежели мир не говно, тогда, наверное, я говно. А говновоз говорит: ну, нет. С говном бы я драп не курил. Так что, парень, успокойся: и мир не говно, и ты не говно — но что такое говно?

Царевич говорит: не знаю. Пока к тебе шел — точно знал, а сейчас то ли забыл, то ли я не знаю. Пойду я, наверное, еще у людей поспрашиваю.

И пошел. Но на этот раз далеко не ушел, а просто поставил шалаш на проезжей дороге, и у всех проходящих да проезжающих спрашивал: что такое говно? Отвечали ему разное, но у него на всякий ответ свои аргументы были, и всем он объяснял, что и это говно совсем не говно, и прочее говно не так уж плохо, и из любого стопроцентного говна можно выгоду извлечь. Скоро о нем слава пошла: есть, дескать, на свете такой учитель, который в шалаше живет и правильной жизни учит. Стали к нему ученики стекаться, большой дом построили, и у всех приезжающих спрашивали: что такое говно? Но никто им не мог такого говна назвать, которое было бы говном всегда и везде и для всех, и при любых условиях.

И вот однажды сидел царевич со своими учениками, размышлял о жизни, и вдруг понял, что понял он о жизни почти все, и осталось понять только самую малость, без которой в этой жизни никакого смысла нет. И тут решил он, что настала пора идти к говновозу и отвечать на его вопрос.

Приходит, а говновоз его спрашивает: ну, что? Понял, что такое говно? Царевич говорит: понял, только ты не обижайся. Говно твой вопрос, учитель. Только ты не сердись, а лучше задай мне правильный вопрос, чтобы я на него ответил и окончательно во все врубился.

А говновоз улыбнулся и сказал: эх, уважаемый! Правильный вопрос на свете только один: это вопрос о том, что такое правильный вопрос. И ты его только что задал, так что дело за немногим: поразмыслить на досуге и на него ответить. А теперь давай о делах поговорим: ты ведь мне сегодня про говно все правильно сказал — и, стало быть, в говновозы годишься. Теперь иди да спать ложись, а завтра в шесть утра приходи на работу. Или, еще лучше: отправляйся к своему отцу, он тебя давно простил, да и не сердился он на тебя всерьез. Все-таки, царскому сыну лучше царем работать, я так считаю.

А царевич говорит: да как же я буду царем работать, если в жизни смысла нет? А говновоз отвечает: в

жизни нет, а в работе есть. В любой работе смысл найдется, если с умом за нее взяться. А за жизнь как ни берись, смысла в ней не найдешь, потому как не для смысла она, а для прикола.

Оглядел царевич команду говновозов и говорит: вот что, господа хорошие. Смысл-то ваш я понял, а вот в приколы ваши, пожалуй, никогда не врублюсь: больно они у вас мудреные. А потому решил я, что прав ты, учитель: не быть мне говновозом, коль я царевичем родился. Так что пойду я, попробую царем поработать — глядишь, что-нибудь да и получится.

С тем и вернулся он во дворец, а царь его, понятно дело, давно уже простил и с радостью принял. А потом он и сам царем стал, и, говорят, неплохо у него получилось.

Закончив эту историю, Джа-Будда сказал: в то время царевичем была рекламная собачка, царем была ее хозяйка, главным говновозом был я, а говна никакого не было, нет и не будет. Бывают на свете говнюки, бывают засранцы, и даже говноеды — но не бывает такого говна, которое было бы говном всегда и для всех. И даже наше телевидение: какое, в сущности, говно! — а иногда и от него какая-то польза случается.

Алсо

Гайдук — поселок рядом с Новороссийском. А еще — молдавский или румынский ковбой-партизан.

19 декабря 2012 года уютный форум, посвященный сабжу и ко. — rastaman.tales.ru, был [внесен](#) ФСКН в [русскую сетевую зигу](#). Ныне живет и здравствует по новому адресу [1].

Ссылки

- [Гайдук читает свои сказки \(mp3\)](#).
- [ЖЖ сабжа](#), используемый в основном в качестве доски объявлений.
- [Обстоятельный обзорчик про Индию](#). Топовый ЖЖ-потс.
- [Энциклопедия конопли](#)
- [Сказки народов мира](#).
- [Аккаунт на Лепре](#).
- [Аккаунт вКонтакте](#).
- [Аккаунт на PROMODJ](#).
- [Пранк с сабжем](#).
- [Интервью для «Конопляной Прессы»](#).
- [Интересная литература](#).

Едем на колесах под грибами!

Вещества 228 3,62 Bb Breaking Bad Bredor Cyriak Harris Don Hertzfeldt Filthy Frank
Kunteynir Sound drugs Superjail Winged Doom Yellow Submarine А че пагни, ляпапам!
Абсент Абсентис Алкоголик Алкогольные напитки Аллен Карр Андрей Скляр
Антимульт Баклофен Балтика Барыга Беломор Белочка Бихай Благовония Борщевик
Бром Михаил Булгаков Бутират Вадим Михайлов Вангеры Векторная религия Вилфред
Винт Владимир Агапов Владимир Сорокин Владислав Галкин Вонни Галоперидол
Гамма-бутиролактон Генномодифицированная вода Героин Глутамат натрия Глюк
Госнаркокартель Грибные Эльфы Грибы ГрОб Дельфин Джим Моррисон
Дигидрогена монооксид Дима Билан Дмитрий Гайдук Дмитрий Энтео ДОБ Донской табак
Ежи и Петруччо Зацените, чуваки, как на улице-то пиздато! Звездочка И немедленно выпил
Ибражы Йад Казантип Кактус Кандибобер Карлос Кастанеда Кен Кизи Клуббер
Клей «Момент» Кокаин Кокаинум Конопля Конопля/Способы потребления Король и Шут
Кофе КПЛЮ Курительные смеси Легалайз Ленин — гриб! Лигрыл Ломай меня полностью
ЛСД Матрица существует Мистер Вигглз Михаил Котов Музыкальная личность Мулька
Мускатный орех Наркоман Наркоман Павлик Насвай Нейролог Ноотропы Нострадамус
Ночной клуб Обьебос